

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИДИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА С.А. ЕСЕНИНА

С.Н. Пяткин

(доктор филологических наук, профессор,
Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара)

Автор статті, відштовхуючись від існуючих періодизацій художньої спадщини С.О.Єсеніна, пропонує новий підхід до виділення етапів у творчості поета, що ґрунтується на актуалізації літературних репутацій Єсеніна: «смирений чернець», «поет-пророк», «поет-хуліган», «Пушкін ХХІ століття».

The author of the article offers the now approach to the division into the stages in S.A. Esenin's works on the basis of the existing divisions into periods. The article is basis of the actualization of Esenin's literary reputations: "humble monk", "poet-prophet", "poet-hooligan", "Pushkin of the XXI century".

Проблема периодизации жизни и творчества каждого деятеля искусства является концептуально значимым элементом в контексте целостного научного осмысления его личности и судьбы. Актуальность таких исследований почти всегда бесспорна, а особенно, когда объектом изучения становится творческий путь художника, воплощающий в себе противоречивую атмосферу своего времени, тектонические сдвиги в историко-культурном бытии народа. Судьба Есенина в этом отношении – ярчайший пример того, как сложен, или, по словам самого поэта, «извилист» был его путь и в жизни, и в творчестве, несший на себе отпечаток «извилистого» пути судьбы русской культуры начала XX века.

На сегодняшний день в науке о Есенине предложено несколько периодизаций жизни и творчества поэта. Своеобразной же точкой отсчета в концептуальном решении этой проблемы является статья Б. Розенфельда о Есенине, специально написанная для многотомной «Литературной энциклопедии» (1929-1939). Четвертый ее том, где и была размещена эта статья, вышел в 1930 году после публикации печально известных «Злых заметок» Н.И. Бухарина, что определило для редакционной коллегии «Литературной энциклопедии» необходимость включить сразу же за очерком Б. Розенфельда и статью под названием «Есенинщина», причем, как совместный «труд» всей редколлегии четвертого тома. («Л.э.» – так обозначено авторство статьи «Есенинщина».)

Справедливости ради нужно признать, что очерк Б. Розенфельда, в отличие от популяризируемых в то время опусов И. Беляева «Подлинный Есенин» (1927) и Г. Покровского (Медынского) «Есенин – есенинщина – религия» (1929), выдержанных в духе бухаринских «Злых заметок», дает довольно-таки сдержанное в идеологическом плане и вполне научное представление об эволюции творческого пути Есенина-поэта.

Выделяя в есенинском творчестве пять периодов (1914-1919; 1919-1922; 1922-1923; 1923-1925 гг.), Б. Розенфельд в преамбуле к их комментированному описанию отмечал: «Пять фаз поэтического стиля Е<сенина>, вырастая на общей основе и в своих кульминациях сменяя друг друга, отражают главные этапы его творческого пути. Первая фаза представлена по преимуществу дореволюционным творчеством Е<сенина> (сборники "Радуница", "Голубень"), вторая и третья – произведениями, выражающими реакцию Е<сенина> – сначала положительную, а потом отрицательную – на социальные процессы Октябрьской революции (сборники "Преображение", "Трерядница", "Триптих", "Исповедь хулигана", пьесы "Пугачев" и "Страна негодяев" и др.), четвертая – узко-личной лирикой "Москвы кабацкой" с некоторыми, примыкающими к ней, позднейшими произведениями и наконец пятая – циклом "Русь Советская", выражающим отношение Е<сенина> к новой советской действительности» (1).

В целом, хотя Б. Розенфельд и оперирует понятием «поэтический стиль» в качестве конструктивно определяющего критерия этапных изменений в художественном сознании

Есенина, строго говоря, системное выделение в есенинском творчестве пяти этапов исходит в данном случае из хронологически маркируемой смены доминант идейно-тематического содержания произведений поэта.

Научные опыты периодизации творческой биографии Есенина 50-80-х годов (времени рождения и прочного становления есениноведения), в которых художественное наследие поэта то «сужалось» до трех этапов, то, наоборот, «расширялось» до семи, а сами эти этапы нередко получали меткие именованья («московский», «петербургский», «революционный», «имажинистский» и т.п.) (2, 7-60; 3; 4; 5; 6; 7), принципиально не изменили логического построения концепции Б. Розенфельда. В работах этих лет все больший и значимый акцент делался на эволюции поэтического мастерства Есенина, однако в основе здесь был все тот же принцип хронологической актуализации содержания есенинского творчества, его изменяющихся идейно-тематических приоритетов. При этом эстетико-художественные искания поэта если и рассматривались в контексте эстетических и религиозно-философских поисков русской литературы «серебряного века», то, как правило, внимание здесь было сконцентрировано на революционных умонастроениях, сказавшихся на формировании творческой личности Есенина. Собственно, и эволюция художественного сознания Есенина при таком подходе «прочитывается», условно говоря, как поступательное движение авторского «я» поэта от топоса «деревенская, патриархальная Русь» к топосу «Русь советская». И в этом, на наш взгляд, проявляется не только пресловутая «идеологическая корректность», свойственная отечественному литературоведению советского периода, но и прямое следование исторически сложившимся в науке методикам типологического изучения творческого пути художника слова.

В есениноведении новейшего времени (рубеж XX-XXI веков) вектор изучения творческого наследия поэта кардинально меняет свое направление, актуализируя феноменологию историко-культурного контекста «серебряного века» русской поэзии и выявляя герменевтическое своеобразие «художественных кодов: ритуально-мифологического, библейского, иконографического, архетипического, орнаментального, хронотопного, диалогического и т.п.» (8, 106).

Однако этот процесс, на «волне» которого появились капитальные исследования А.Н. Захарова, Н.И. Шубниковой-Гусевой, О.Е. Вороновой, справедливо имеющие высокий индекс цитирования в современном есениноведении, пока еще в полной мере не сказался на изучении проблемы периодизации жизни и творчества Есенина.

Так, в частности, А.Н. Захаров в своей специальной работе по этой проблеме, выдвигая тезис о необходимости построения периодизации творческой биографии Есенина, основывающейся на многоплановом представлении о художественной картине мира поэта как динамично развивающейся системы, сам же в дальнейшем «сбивается» на уже проторенную колею, определяя разномысленное отношение поэта к «его центральной теме – сложному образу “родина-и-революция”» (9, 141) – в качестве ключевого критериального признака предлагаемой им периодизации. А это концептуально не совсем связывается с очень ценными наблюдениями А.Н. Захарова, сделанными им при детальном рассмотрении эволюционных изменений в хронотопическом видении мира Есениным и его цветообразной символики как доминант есенинской поэтики.

В монографии О.Е. Вороновой «Сергей Есенин и русская духовная культура» периодизация творчества поэта в качестве специального аспекта предпринятого целостного анализа есенинского наследия не представлена. Но в принципе и сама концепция этой работы, ее структура и содержание, способствующие органичному восприятию творческого пути Есенина в системе подвижных координат его религиозно-мифологического сознания, неразрывно связанного с корневыми началами национального мировидения, имманентно обуславливают и ясное представление об основных этапах духовной биографии поэта.

Не ставя перед собой цели «перевести» это представление в привычную схему периодизации творчества с ее четкими временными границами, что сделать по большому счету не так уж и сложно, остановимся на одном примечательном, с нашей точки зрения, фрагменте исследования О.Е. Вороновой, где речь идет об «остро-напряженном» процессе

духовной эволюции Есенина периода 1919-1925 годов. Автор здесь последовательно выявляет кризисные состояния в творческом мироощущении Есенина этих лет («кризис политических иллюзий», «кризис веры») и связывает с ними качественные изменения в «архетипических основах лирики» поэта, а именно – замещение архетипа *юродствующего хулигана* архетипом *блудного сына*. Причем, что важно отметить, этот процесс О.Е. Воронова подробно рассматривает и в эстетико-художественном плане, акцентируя, например, внимание на отчетливо прослеживающейся ориентации поздней лирики Есенина на традицию «покаянных жанров» и анализируя в этом контексте произведения поэта 1923-1925 годов, и в проекции творческого поведения Есенина, его меняющихся «стратегий» жизнотворчества. В Есенине «происходило возрастание “духовного” человека, “ясновидец” побеждал “хулигана”» (10, 413), – такой образной формулой обозначает О.Е. Воронова две важнейшие вехи духовной биографии поэта, соподчиненные двум различным жизнотворческим воплощениям авторского «я».

Особым образом эта идея «воплощения» оговаривается в работах Н.И. Шубниковой-Гусевой. По ее мнению, у Есенина «игровая форма поведения, действие от другого лица, драматизация являлась особым способом воплощения его мифологических идей и представлений»; и соответственно «сменой творческих масок-ролей отмечен каждый период жизни поэта» (11, 42; 11, 40).

Ценность этой точки зрения в контексте современных подходов к изучению есенинского наследия нам видится в том, что такая позиция, наиболее полно учитывающая отличительную черту феноменологии творчества поэта как синтеза мифотворчества и творчества жизни, манифестирует собой совершенно новый взгляд на эволюцию творческого пути Есенина и определение его основных этапов. В перспективе такой позиции открываются несравнимо большие, нежели чем реализуемые сегодня в есениноведении, возможности для предметной актуализации форм и содержания «диалогического соприкосновения» есенинского жизнотекста с духовным опытом национальной культуры, в котором Пушкин – повторим хрестоматийные слова – «явление чрезвычайное» и «пророческое».

Обобщая сказанное по проблеме периодизации творчества Есенина, сформулируем ряд концептуальных положений, определяющих нашу точку зрения на этот вопрос.

В творчестве Есенина наблюдается последовательная смена мифологических моделей мира, а стало быть, и последовательное замещение одного основополагающего принципа художественного мышления мифа другим. Каждый миф рождается в сознании поэта из влияния на него определенных уже сложившихся литературно-философских систем, и в то же время каждый миф, преобразуя это влияние, устанавливает (или способен установить) свою самобытную творческую линию в литературном процессе. Не разделяя уничижительного пафоса Ю. Тынянова в его высказываниях о Есенине, датированных 1924 годом, отметим точно схваченную автором статьи «Промежуток» суть образных персонификаций в творческих перевоплощениях поэта: «Литературная личность Есенина – от “светлого инока” в клюевской скуфейке до “похабника и скандалиста” “Кабацкой Москвы” – глубоко литературна. <...> ...эта личность, связанная с эмоцией, была достаточно убедительна для того, чтобы заслонить стихи, для того, чтобы вырасти в своеобразный внесловесный литературный факт» (12, 403).

Возникновение мифа всегда сопровождается ритуальным появлением нового авторского «я», закрепляющегося в художественном творчестве и становящегося литературной репутацией поэта. Так, в ранней лирике Есенина (1914-1916) это «смиранный инок». В поэзии 1917-1921 годов – *поэт-пророк «нового завета»*. В поэзии 1922-начала 1924 годов – *поэт-скандалист* и *поэт-хулиган*. И, наконец, в последний период творчества Есенина (середина 1924-1925 годы) устанавливается его последняя репутация – «*Пушкин XX века*», получившая в науке о поэте статус едва ли не научного определения.

Рождение нового авторского «я» абсолютно не отменяет предыдущего. А это приводит к поэтапному усложнению субъектной сферы поэзии Есенина: существованию в пределах

одного художественного целого разнокачественных оценок в восприятии мира, «самостоятельных и неслиянных» (М. Бахтин) голосов, переживаний, сознаний, ассоциаций.

В связи с указанными нами хронологическими границами периодов творческой эволюции Есенина считаем необходимым объясниться в выборе начальной даты. Напомним, что в есениноведении является, по сути дела, общепринятым вести временной отсчет творческого пути поэта от 1910 года. И такая позиция всецело обусловлена датировкой ранних есенинских произведений, вошедших в первую книгу поэта «Радуница». Эта датировка произведена самим Есениным осенью 1925 года при подготовке к изданию им собрания стихотворений в трех томах. Однако, несмотря на эту авторскую атрибуцию, датировка ранних стихов Есенина относится к разряду одной из спорных проблем в изучении его творчества.

Так, еще в 1961 году К.Л. Зелинский во вступительной статье к пятитомному собранию сочинений Есенина, наиболее полному на то время, осторожно заметил, что стихи поэта, «обозначенные 1910-1911 годами, но напечатанные значительно позже, возможно, и относятся к более поздним годам» (13, 14).

На рубеже 60-70-х годов, после публикации в 1968 году новонайденного рукописного сборника Есенина «Больные думы» (1911-1912), появляется целый ряд дискуссионных статей, в которых указывается на очевидную художественную неравноценность произведений раннего творчества поэта и ставится под сомнение точность датировок есенинских стихотворений, размещенных в «Радунице» в разделе «Маковые побаски» («Выткался на озере алый свет зари...», «Матушка в Купальницу по лесу ходила...», «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» и др.) (14, 164-165; 15, 189-193; 16, 153-158).

Вместе с тем вопрос об этих датировках шел преимущественно в пределах узкоспециальной проблемы текстологии произведений Есенина. Принципиально иное звучание все это обрело в статье Н.В. Чубуковой «Лирика С. Есенина 1911-1915 годов», опубликованной в 1987 году в журнале «Русская литература». Автор статьи прямо высказала, что решение проблемы датировки ранних произведений Есенина позволит «представить процесс становления есенинского таланта, даст истинную картину динамики идейно-художественных исканий поэта» (17, 15).

Подвергая подробному идейно-стилистическому анализу наиболее спорные с точки зрения датировки ранние стихотворения Есенина, Н.В. Чубукова, на наш взгляд, убедительно доказала, что «они резко расходятся с поэзией 1911-1913 годов и гармонично “вписываются” в есенинское творчество конца 1914-1915 года» (17, 15; 17, 28). На принадлежность «спорных» произведений Есенина к творческому периоду 1914-1916 годов, как это ясно следует из цитируемой работы, указывает их общность в тональности, образности, цветовой гамме, метафорической звукописи. Эта общность обусловлена единством авторского взгляда на мир, что проявляется в коррелятивной устойчивости характерных самоименований лирического героя. И одно из таких самоименований – «смиранный инок» – более точно и полно отражает суть авторского «я-сотворенного» в поэзии Есенина этих лет и содержательную основу его жизнетекста периода «Радуницы».

В этом отношении вряд ли есть и необходимость, и смысл рассматривать юношеские стихотворения Есенина 1909-1913 годов, подражательные и художественно несовершенные, как произведения, образующие отдельный этап в творческой эволюции поэта: здесь нет самостоятельной авторской точки зрения на мир и соответственно – самобытного образа лирического «я». Хотя уже в юношескую пору Есенин, как это следует из его писем 1909-1913 годов, осознает всю важность поиска собственной житнетворческой программы для полноценного и оригинального самовыражения себя как поэта.

Предлагаемая периодизация художественного наследия поэта, актуализирующая основные этапы его мифотворчества, способствует более четкому представлению о самом генезисе субъектного синкретизма в поэзии Есенина двух последних лет жизни. То есть того времени, когда, по собственному признанию поэта, его «в смысле формального развития» «тянет к Пушкину». Кроме того, выстраиваемая таким образом периодизация творчества

Есенина позволяет в достаточной мере рассмотреть основные вехи духовной биографии поэта XX века как сложного и противоречивого пути к Пушкину, к классическому канону национальной русской культуры.

1. Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1930. – Т. 4.: www.feb-web.ru/feb/litenc/encyclor.
2. Зелинский К.Л. С.А. Есенин // Есенин С.А. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1961-1962. – Т. 1.
3. Юшин П.Ф. Сергей Есенин. – М., 1969.
4. Наумов Е.И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. – Л., 1969.
5. Жаворонков А.З. Традиции и новаторство в творчестве С.А. Есенина: Автореф. дисс. ... док. филол. наук. – Тбилиси, 1971.
6. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха. – М., 1975.
7. Волков А. Художественные искания Есенина. – М., 1976.
8. Воронова О.Е. Современные аспекты интерпретации творчества Есенина (по материалам исследований 1990-1997 гг.) // Издания Есенина и о Есенине: итоги, открытия, перспективы. Есенинский сборник. Новое о Есенине. Вып IV. – М., 2001.
9. Захаров А.Н. Периодизация творчества Есенина в свете его поэтики // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. – М., 1995.
10. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань, 2002.
11. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. – М., 2001.
12. Тынянов Ю.Н. Промежуток // Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. – СПб., 2001.
13. Зелинский К.Л. С.А. Есенин // Есенин С.А. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1961-1962. Т. 1.
14. Никитина Е.П. Есенин и русская поэзия // Волга. – 1968. – №7.
15. Вдовин В.А. «...И над каждой строкой без конца...» // Вопросы литературы. – 1969. – №8.
16. Кожин В.В. Легенды и факты // Русская литература. – 1975. – №2.
17. Чубукова Н.В. Лирика С. Есенина 1911-1915 годов // Русская литература. – 1987. – №2.